

«Неторопливый человек».

Беседа Марины Пугачевой*

с Александром Бенционовичем Гофманом

Аннотация. Воспоминания об Александре Дмитриевиче Ковалеве.

Ключевые слова. А.Д. Ковалев, история российской социологии, А.Б. Гофман, Ю.А. Левада, И.С. Кон.

МП: *Как вы познакомились?*

АГ: Впервые я увидел Александра Дмитриевича (для меня он всегда был, конечно, Сашей, как и я для него) в сентябре 1968 года в здании Института философии на Волхонке, во время сдачи вступительного экзамена в аспирантуру только что созданного Института конкретных социальных исследований. Вместе с другими поступающими я сидел готовился к экзаменационному ответу, когда он заглянул в кабинет; кажется, он опоздал на экзамен. Я сразу обратил внимание на его несколько рассеянный вид, вид человека «не от мира сего», который усиливался благодаря большим очкам. Затем мы были однокурсниками-аспирантами, в 1971–1976 годах работали в одном отделе института.

МП: *Ты не знаешь, почему Саша решил стать социологом, почему он с философским образованием и со своим философским складом ума пошел поступать в аспирантуру ИКСИ, а не куда-то еще? Или социология и философия не так далеки, как нас сейчас хотят убедить?*

АГ: Мне кажется, что то, чем он занимался в социологической аспирантуре, не очень сильно отличалось от его философских пристрастий. Все-таки эмпирика его никогда не привлекала. Его интересовало общество, не метафизические вопросы, а сам объект, который и задавал социологическую ориентацию. Вот, например, Парсонс — аналитик очень абстрактного уровня. Парсонс выстраивал строгую формально-дедуктивную теорию, но если говорить об абстрактности этого построения, то можно считать его не социологом, а тоже философом. Иногда трудно провести эту границу. То, о чем ты спрашиваешь, принято называть социальной метафизикой, эпистемологическими предпосылками социологического знания. Если речь идет о социальной гносеологии или эпистемологии, о том, как нужно изучать, о методологии, то эти проблемы его не так уж и волновали. Его интересовало предметное знание об обществе. Он не говорил, давайте, прежде чем изучать общество, сначала решим, как мы будем его изучать. Такой вопрос перед ним не стоял, я тебя уверяю. Если мы будем постоянно заниматься чем-то «прежде чем» приступать к предмету своего изучения, то рискуем никогда не приступить к нему. Если современным физикам, прежде чем заниматься физическими исследованиями, придется отвечать на вопросы

* Пугачева Марина Геннадиевна — старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ. Email: puma7@yandex.ru

© Пугачева М.Г., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

типа «что такое природа (природное)?», «как возможна природа?» и т. п., то они никогда не займутся своей наукой, их придется всех уволить и заменить какими-нибудь кантианскими метафизиками. Конечно, такого рода вопросы всегда существуют и будут существовать, но это специфическая область, отличная от предметного знания; она требует особого времени, места, специальной рефлексии и (или) квалификации. Ковалева как раз не очень интересовали эпистемологические предпосылки, аксиоматика, на которой базируется социологическое знание, его интересовало социологическое знание непосредственно, какие именно социальные проблемы имеют место и каковы тенденции, что и как — в этом смысле он был хоть и теоретиком, но не метатеоретиком, не методологом. Есть известное выражение (не помню, кому оно принадлежит): методология — это не наука о том, как шить сапоги, а о том, в какой позе надо сидеть, чтобы шить сапоги. Вот это его не волновало — его интересовало, как шить сапоги и сами сапоги.

МП: Каковы были его научные интересы? И насколько свободен он был в выборе темы?

АГ: Его темой была модернизация, но внутри этой темы он занимался тем же Парсонсом, которого все понемножку изучали. Я думаю, что у него не было никаких расхождений между предлагаемым и тем, к чему тянулась его душа. Кстати, работая в секторе истории «буржуазной» социологии, мы по долгу службы однажды выступили в жанре «парнографии», совместно написав главу о натурализме в западной социологии в книге «История буржуазной социологии XIX — начале XX века» под редакцией Игоря Семеновича Кона. Замечу, что эта книга сыграла важную роль в развитии отечественной социологии. Многие последующие авторы, так или иначе, либо отталкивались от нее, либо ее повторяли. Позже она была переведена на несколько иностранных языков в издательстве «Прогресс»; однажды я встретил одного француза, профессора социологии из Бордо, который был от нее в восторге. В книге был не пересказ западных концепций, как можно было бы подумать, а очень грамотное изложение западной социологии в дидактических целях.

Саша действительно хорошо знал западную социологию, но он был далеко не единственным. Сейчас говорят о «леваднике», но я бы напомнил и о «коннике», потому что Кон был одним из главных просветителей в этой области и мы, к сожалению, пока не можем оценить его вклад в полной мере...

МП: По крайней мере, он успел написать «80 лет одиночества»...

АГ: Да, она читается с большим интересом! Так вот, в то время было немного таких знатоков, сейчас люди в целом знают больше, но это знание «рассеяно» по всему социологическому сообществу, так сказать. А тогда оно носило концентрированный характер и было более глубоким. Нынче время какого-то быстрого чтения, никто толком ничего не успевает, вникнуть некогда. Такое чтение часто приводит к тому, что человек вроде бы обо всем наслышан, а с другой стороны — простейших вещей не знает! Вроде хочет пересматривать основополагающие принципы, а при этом не знает таблицу умножения — тогда такого не могло быть. Саша был, конечно, знатоком, особенно английской социологии, которую, кстати, ему было поручено изучать для написания раздела о британской социологии в двухтомнике «Социология и совре-

менность». При этом он не гонялся за новейшими «модами», если так можно сказать, для него было важно глубинное проникновение в предмет.

Он вообще был человек неторопливый. Сейчас появляется мода на «медлительность» — *culture of slowness* — в противовес культуре *fast*. Эта мода на культуру медлительности началась с известного романа Стена Надольного «Открытие медлительности», главный герой которого — английский моряк — был страшный тугодум, его считали дурачком, но потом выяснялось, что хоть он и долго думает, но проблему решает, буквально в последний момент находит единственно верное решение. Саша не был тугодумом, он был медленный человек, не спешащий.

МП: *Насколько он был адекватен своему времени?*

АГ: С одной стороны, конечно, нет, про таких людей говорят «не от мира сего». Он вышел из рабочей семьи, поэтому, я подозреваю, что его родители весьма слабо представляли, что такое социолог и чем занимается их сын. Да и в смысле времени — 70–80-х годов — он был человеком, держащимся в стороне.

МП: *Он «держался в стороне» или жил «в башне из слоновой кости»?*

АГ: Нет, так сказать нельзя. Он не был анахоретом, следил за периодикой, был в курсе последних событий, но со стороны. Он не был человеком, ангажированным в повседневность. Такая отстраненная натура, наблюдатель. При этом Саша был хорошо «вписан» в сектор, несмотря на свою отстраненность, он не воспринимался как белая ворона, участвовал в семинарах, в институте, в домашней обстановке, ездил со всеми за город, не чурался вечеринок. На меня, как, по-видимому, и на многих других, он производил сильное впечатление прежде всего оригинальностью личности, своей удивительной непохожестью ни на кого из окружающих. Вероятно, его личность могла бы служить убедительным опровержением вульгарно-социологического и механистического представления о том, как индивид целиком и полностью формируется своей социальной и групповой средой. Исходя из такого представления, эта среда должна была сформировать совсем другого Сашу Ковалева. Мне кажется, что фундаментальными особенностями его личности были неумное стремление к знаниям, глубокая склонность к рефлексии и скептицизм в восприятии мира. Вероятно, именно поэтому он решил учиться на философском факультете. И эти черты оказали существенное влияние на его деятельность как социолога, историка социологической мысли. Эту деятельность всегда отличали основательность и дотошность. Будучи чрезвычайно образованным человеком, с одной стороны, и скептиком — с другой, он часто любил приговаривать: «Все это уже было». Такая позиция усиливалась его личной скромностью: прежде чем представлять что-то в качестве своего и нового, он долго сомневался в том, является ли данное знание собственно своим и новым, не ломится ли он в открытую дверь, не изобретает ли уже давно изобретенный велосипед. Наряду с высоким профессионализмом, это служило одним из источников высокого качества его историко-социологических исследований, а также переводов социологической классики. Конечно, это могло негативно сказываться на количественной стороне его творчества, но зато выгодно отличало качество его работ от многих других.

МП: *Что он оставляет нам в наследство?*

АГ: Мне кажется, что для нынешней молодежи он может служить примером научного служения. Сегодня, когда, к сожалению, в социологической теории мы слиш-

ком часто наблюдаем поверхностность, псевдоноваторство, «клиповое» мышление, апломб в сочетании с невежеством, основательность и глубина трудов Александра Дмитриевича Ковалева, а также его образованность, скромность, отсутствие претенциозности, могут служить прекрасным примером для нынешнего социологического сообщества. Эти черты творчества и личности роднят его с Юрием Александровичем Левадой, учеником и последователем которого он был.

Такие историки социологической мысли встречаются очень редко. Если он что-то утверждал относительно какой-то теории или теоретика, можно было быть уверенным в том, что это так и есть. Ему можно было верить и как исследователю, и как человеку. И еще многие-многие годы его труды смогут служить источником знаний и вдохновения, примером стремления к истине и ее постижения.